

Когда пришло сообщение от Лу Синъяня, Цзян Цзи только что закончил совещание. Вышел из переговорной, шёл в свой кабинет — и тут WeChat пикнул. На экране выскочил какой-то новый аватар с подписью «Лу Синъянь».

Цзян Цзи давно перестал понимать, зачем тот каждые три дня меняет аватарки, ники, подписи и обложки в профиле. Без подписи он бы вообще не понял, кто это пишет.

А тут ещё этот стикер с жалобным щенком. Цзян Цзи остановился. Ассистентка, которая шла рядом и что-то объясняла, осеклась и чуть не запнулась:

— Господин Цзян, что-то не так?

Цзян Цзи посмотрел на телефон, потом сухо сказал:

— Ничего. У моего братика снова приступ.

Ассистентка: «...»

Он что заболел? Может, врача?..

Но лучше промолчать — меньше знаешь, крепче спишь. Ассистентка молча кивнула и быстро исчезла.

Цзян Цзи не стал ничего объяснять, ушёл к себе в кабинет и закрыл за собой дверь.

Вообще, насчёт «снова приступ» — это он ещё мягко выразился. По его мнению, у Лу Синъяня с головой всегда было... творчески. С самого первого дня.

Ну кто в здравом уме подбежит к сыну своей мачехи и начнёт шептать: «Давай сольём свадьбу твоей матери с моим отцом»?

— И это был только старт.

Потом они переехали жить вместе. До сих пор помнит тот день: домработница помогала ему разбирать коробки, а Лу Синъянь стоял в дверях, руки в боки, весь важный такой:

— Я тут главный. Ты на моей территории — значит, будешь слушаться меня.

Цзян Цзи только скользнул на него взглядом — и всё понял сразу.

А Лу Синъянь, задрав подбородок повыше, повторил с видом полководца:

— Слышал? Тут я главный!

Цзян Цзи без эмоций отмахнулся:

— Отвали.

Лу Синъянь аж покраснел от злости:

— Ну ты у меня ещё попляшешь!

Грозно хлопнул дверью и исчез. На этом его «мятеж» закончился. Цзян Цзи сразу понял: перед ним бумажный тигр — шума много, а ткни — и сдуется.

Через какое-то время Лу Синъянь играл в футбол и умудрился снести мячом окно в своей комнате. Починить сразу не успели, а ночью ещё и дождь пошёл — в итоге его переселили к Цзян Цзи.

Лу Синъянь был недоволен:

— На твоей кровати не усну. Вообще. Давай тогда хоть болтать будем.

И начал. Откуда у него вообще бралось столько слов?

— Слышал, ты по математике сотку набрал? Ха! Я тоже мог бы, если бы не простуда перед экзаменом.

— А с китайским у тебя не очень, да? Чё? Тоже на первом месте? Врёшь всё ты!

— Ты, наверное, английский не любишь? А я три языка знаю — английский, немецкий и арабский!

Цзян Цзи лежал с закрытыми глазами, хотелось вслух взвыть. Голос Лу Синъяня — тонкий, цепкий, назойливый, как комар под ухом.

Цзян Цзи лениво буркнул:

— Ну-ка скажи что-нибудь по-арабски.

Лу Синъянь, конечно, не знал ни слова. Всё это он наврал для важности. Но был готов выкрутиться:

— Ха! Всё равно не поймёшь!

Цзян Цзи бы с радостью достал электрическую мухобойку и прибил этого «комара» сразу — чтобы не зудел под ухом посреди ночи.

Но Лу Синъянь не замолкал:

— Эй, Цзян Цзи! Вот если я на экзаменах наберу больше баллов, чем ты — что скажешь?

Цзян Цзи чуть приоткрыл один глаз — с таким видом, будто сейчас просто пристрелит:

— Мы же в разных классах. Как ты это сравнивать собрался?

— Да какая разница! Всё равно я тебя обгоню, — важно отрезал Лу Синъянь, расправив плечи под одеялом. — Так и знай.

«Делай что хочешь», — мысленно вздохнул Цзян Цзи и отвернулся к стене. Смотреть на это было выше его моральных сил.

Молчание продержалось максимум две минуты.

— Цзян Цзи! — снова ожил Лу Синъянь, голос уже звенел от гордости. — Слушай, а я красивее тебя.

Цзян Цзи медленно вдохнул носом.

— Правда? — сухо уточнил он.

— Ещё бы! — Лу Синъянь даже не моргнул. — Мне двенадцать, тебе пятнадцать. Понимаешь? Я ещё не раскрыл весь свой потенциал. Я только начинаю цвести! Вот расцвету — и всё, хоть постеры печатай. А ты... ты уже всё. Финиш. Максимум, что мог — ты уже показал. Дальше — только стареть.

Цзян Цзи без эмоций вытащил из ящичка беруши и затолкал в уши. Лучше быть глухим, чем слушать этот цирк.

Но Лу Синъянь не сдавался:

— И вообще, ты хоть знаешь, что я в детстве моделью был? У меня даже фотки есть, я тебе потом покажу. Хочешь?

Беруши не справились. Цзян Цзи на секунду задумался — потом молча достал скотч, отмотал ленту и, не моргнув глазом, прилепил Лу Синъяню на рот.

Лу Синъянь пытался что-то промычать в протест — но тут же получил жёсткую фиксацию черепа и ледяной шёпот у самого уха:

— Ещё звук — и вылетишь отсюда с подушкой наперевес.

Лу Синъянь: «...»

Цзян Цзи устало выдохнул и вернул голову на подушку. Тишина. Наконец-то.

Мучительный вечер наконец закончился. С утра Цзян Цзи выработал простую тактику: чем активнее Лу Синъянь лезет, тем дальше надо отползать. Чем быстрее Цзян Цзи исчезал, тем быстрее Лу Синъянь его догонял.

Школа у них, к слову, была вообще в разных концах города — но кого это остановит? Лу Синъянь велел водителю заезжать сначала за Цзян Цзи, а потом уже за собой. Ну а что — практика охоты.

В машине Лу Синъянь упражнялся в искусстве словесного раздражения. Сначала Цзян Цзи реагировал, но быстро прокачал иммунитет: режим «игнор» спасал от всех ядовитых укусов.

Метод сработал идеально — Лу Синъяня сносило об стену равнодушия, и он бесился всё больше.

В какой-то момент он вскипел и начал жаловаться Сун Чэну:

— Ну вот что он из себя строит? Терпеть не могу этих холодных крутых. Хоть бы раз нормального человека изобразил!

Сун Чэн тогда ещё не успел потерять свою детскую наивность и честно кивал:

— Ну да, я тоже не понимаю. Всем девчонкам только этих снежных принцев подавай. Мы тут шутим, веселим, а популярность у кого? Правильно — у этих айсбергов!

Лу Синъянь мгновенно набычился:

— Ты кого в «мы» записал? Я тоже, между прочим, высокомерный айсберг!

Сун Чэн: «...»

Цзян Цзи не знал всех их кухонных жалоб, но прекрасно понимал одно: Лу Синъянь обожал сливать весь свой яд Сун Чэну.

Как-то зимой Сун Чэн пришёл к ним в гости — сели в гостиной с приставкой, играли, а заодно полоскали Цзян Цзи за глаза. Лу Синъянь только начал: «Он мне опять лицо кирпичом показал...» — и тут сам Цзян Цзи вошёл, всё услышал, смерил их взглядом и молча ушёл наверх.

Цзян Цзи давно понял, как устроен этот «пёс»: шума много, вреда мало. Но укрощать приходится — если есть настроение и время.

Самый любимый приём — подойти поближе, дать Лу Синъяню шанс укусить, даже лоб слегка наморщить, чтобы тот подумал, что пробил оборону, а потом одним словом снести весь его пафос. Смотреть, как Лу Синъянь злится и брызжет слюной — лучше любого кино.

Цзян Цзи честно признавал: странное у него развлечение, зато эффективно — дразнить этого недоактёра не надоедает.

Нормальный Лу Синъянь — это тот, что вечно лезет ссориться, задираться, хватать за шкуру за любую мелочь. А вот если Лу Синъянь вдруг сюсюкает и сам лезет мириться — значит, готовит что-то липкое. Правда, играет он ужасно: прокалывается мгновенно.

Сегодня всё по классике — ещё и «старший» приплёл. Ну не смешно ли?

Цзян Цзи ответил коротко: «Тебя что, взломали?»

Лу Синъянь тут же посыпал градом сообщений:

Лу Синъянь: «Нет!»

Лу Синъянь: «Ты где?»

Лу Синъянь: «Ты вообще слышал про вежливость? Отзовись хоть раз.»

Лу Синъянь: «Цзян Цзи, ты неблагодарный.»

Лу Синъянь: «Я, между прочим, из лучших побуждений с тобой болтаю! Чтобы ты не обижался из-за того, что было. Думаешь, мне в кайф самому к тебе лезть?»

«Что было»? А, про это «я слышал твой звонок»? Ну конечно. Сидит теперь, грызёт себя. Классика.

Да и кто там не знает — друзей, кто в курсе, хватает. Не велика тайна. Просто семье знать ни к чему. Даже если кто и догадается — мороки будет больше, чем смысла. Да и времени на эти ваши любовные дела у Цзян Цзи нет.

Он пару секунд подумал — и выдал в ответ:

Цзян Цзи: «Ладно, я понял.»

Лу Синъянь: «?»

Лу Синъянь: «Что ты понял?»

Цзян Цзи: «Что у тебя других целей нет. Тему закрыли.»

Лу Синъянь: «...»

«Закрыли?» — Лу Синъянь чуть не заорал. — «Серьёзно? Закрыли? Вот ещё!»

Лу Синъянь выпрямился перед монитором, пальцы забарабанили по клавишам:

Лу Синъянь: «Погоди. Мне вот любопытно...»

Цзян Цзи ответил одним сухим уколом:

Цзян Цзи: «?»

Лу Синъянь: «Можно спрошу? Ты как понял, что тебе нравятся парни? И когда?»

В ту же секунду понял, что лезет слишком в лоб, и быстро надел маску невинного дурачка:

Лу Синъянь: «Да я без задней мысли! Просто поболтать хочу... Я сам не уверен, кто мне нравится — мальчики или девочки...»

Отправил — и для надёжности прикрутил гифку с белым щенком, глядящим умильными «я-бедный-несчастный» глазами. Этот стикер Лу Синъянь когда-то стырил у одной девчонки из чатика «Кто хочет закадрить Цзян Цзи». Девчонка была бойкая, язык острый, гифками швырялась как гранатами.

Тогда Лу Синъянь даже подумал: «О, эта могла бы и прокатить у Цзян Цзи...» — а потом сам себя осёк: «А мне-то что с этого? Ничего? Ну и до свидания». Скачал всю папку со щенками — и саму девчонку в бан.

Сейчас он даже вспомнил её визгливые «ня-ня» — и в том же приторном стиле добил свою «жалобу»:

Лу Синъянь: «Цзян Цзи, что делать? Мне кажется, мне и девчонки-то не нравятся QVQ»

Лу Синъянь: «За эти годы куча народу клеилась, я бы и рад встречаться — но у меня к ним ноль реакции QAQ»

Лу Синъянь: «А если я тоже гей — что ж теперь делать-то, а? Спасай!»

Лу Синъянь: «[щенок в панике.jpg]»

Лу Синъянь: «Ты не мог бы меня... ну, подлечить как-нибудь?»

Цзян Цзи смотрел на этот цирк в WeChat минуты три.

Чем лечить — он не знал. Знал только одно: начать бы с травяного сбора, да с такого, чтобы Лу

Синъянь от него кони двинул.

<http://bllate.org/book/12484/1111988>